

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

4

Феникс ♦ Atheneum
Москва-С.-Петербург

1994

ББК 83.3Р 1
8 Р 1
Л-659

Редактор-составитель Н.И.Осьмакова

Л-659 Лица: Биографический альманах. 4. — М.; СПб.:
Феникс: Atheneum. 1994. 480 с.; ил.

ISBN 5-85042-046-0
ISBN 5-85042-050-9

В настоящем томе альманаха собраны неопубликованные материалы к биографиям деятелей культуры XIX в.: дневники и воспоминания сына Л.Н.Толстого — Льва Львовича о сложной обстановке яснополянского дома; московский фольклор о Пушкине, Гоголе и Толстом; генеалогические исследования о писателях прошлого века. Среди других тем выпуска: неизвестные источники гоголевской прозы; жандармский офицер в роли издателя; исследования о судьбах С.А.Рачинского и В.С.Печерина; рассказ няни Д.И.Писарева; свидетельство о похоронах Чехова; очерки о литераторах-поденщиках и о творцах книг массового спроса, и другие материалы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей русской культуры.

Л $\frac{4702010200 — 002}{Д 20 (03) — 94}$ 94 без объявл.

ББК 83.3Р 1
8 Р 1

ISBN 5-85042-046-0 (Феникс)
ISBN 5-85042-050-9

© «Феникс», 1994

А.И.Рейтблат
ВИТЯЗИ ТОЛКУЧЕГО РЫНКА
К истории низовой словесности

В истории русской книжной культуры первой половины XIX века культура «средних» слоев (мелкое и среднее чиновничество, мелкопоместное провинциальное дворянство, купечество, мещане) мало известна и практически не изучена. У историков литературы в центре внимания обычно находятся Пушкин, Гоголь, декабристы, славянофилы, западники и т.д. — то есть представители дворянской культуры. Менее интенсивно, но все же изучаются и пути, по которым доходили до читателя тексты этих литераторов (журналы и газеты, деятельность таких издателей, как А.Ф.Смирдин, и т.п.).

Однако в те же годы существовала и иная литература. Целый ряд издателей выпускал и распространял книги для средних социальных слоев и низовой читательской аудитории. Особенно процветало подобное книгоиздание в Москве. В.Г.Белинский, назвавший деятелей низового книгоиздания «витязями толкучего рынка», в 1839 с присущей ему наблюдательностью дал следующую характеристику этому слою словесности: «В Москве образовался особенный род литературы, особенный литературный мир. Эта литература ходит во фризовой шинели, редко бреет бороду, умывается и причесывается разве по торжественным праздникам /.../ ее поприще и круг действия — толкучий рынок /.../ ее посредники — ходебщики; ее публика — сидельцы *авоцных* лавок и вообще люди, для которых все печатное должно быть хорошо. /.../ Не все же могут читать Вальтера Скотта и Купера: есть люди, которым нужны и "Милорд английский" и "Гуак, или Непобедимая верность" и "Филатки с Мирошками". Ведь им надо же что-нибудь читать, а кто читает что-нибудь, уже гораздо выше того, кто ничего не читает. Чтение должно быть по плечу чтецу, и в чтении должна быть своя постепенность, свой ход, свое развитие...»¹. Такие книготорговцы-издатели, как В.В.Логинов, Ф.М.Исаев, С.А.Харитонов, А.С.Ширяев и др., ежегодно выпускали десятки книг, которые развозили по ярмаркам и распространяли разносчики-офени почти по всей Руси.

Существовал целый круг литераторов, кормившихся вокруг таких книгоиздателей и поставлявших разнообразный по жанрам и разнородный по уровню книжный материал. Среди них наиболее популярными и плодовитыми были И.Ваненко (И.И.Башмаков), М.И.Воскресенский, И.Н.Глухарев, И.Г.Гурьянов, Н.И.Зряхов, И.З.Крылов, Ф.С.Кузмичев, С.М.Любецкий, А.А.Орлов, А.А.Павлов, А.И.Чуровский. Как правило,

¹ Белинский В.Г. Полн.собр.соч.: В 9 тт. Т.3. М., 1953. С.82-83.

это были выходцы из купеческой, мещанской и крестьянской среды, некоторые — из обедневших дворян.

Фактографический материал об этом слое литературы чрезвычайно мал, исследовательские работы о нем почти отсутствуют (одно из немногих исключений — исследование П.Н.Сакулина)². В предлагаемую подборку материалов о низовой московской литературе первой половины XIX в. включены публикации из газет «Северная пчела» и «Молва», посвященные этому «особенному литературному миру», а также имеющие документальную ценность рассказы о нем самих низовых литераторов, хорошо знавших быт и нравы этой среды.

Ф.Кони

КОЕ-ЧТО О МОСКВЕ¹

Всех *читателей* в Москве можно разделить на три разряда: высший круг читает по-французски или ничего не читает (по большей части), и слава Богу! Русская литература от этого теряет очень мало. Университетское поколение читает только книги дельные. Класс простолюдинов хочет читать; не зная языков иностранных, чуждый образования университетского, он хватается за все: попадись ему в руки статья Наблюдателя² в московских газетах или роман Кузмичева³, стихи Полежаева⁴ или «Еруслан»⁵, с русскими политипажами, для него все равно, лишь бы читать, да чтоб было *дешево*, да *сердито* /.../.

[На толкучем рынке за Никольскими воротами. — А.Р.] есть свое просвещение, своя литература /.../ свои философы, поэты, риторы, повествователи /.../. Они не отделились от своего круга наружными формами: тот же картуз без козырька, тот же фризовый хитон, те же сквозные сапоги, превращенные временем в сандалии. Это изгнанники семинарий, выкидыши университетов, заброшенники академий⁶, страдальцы за излишне опозтизированной организацию души: за пьянство, буянство, ночное шатание, сбрасывание будок с места и другие сильные порывы энергических страстей. Они живут в своем, *особенном*, творческом мире и если не создают, так подражают другим, сообразно с потребностями своего круга. Они посредники, так сказать, между высшими представителями нашей литературы и низшим классом читателей. Они создали особенную книжную *производимость*,

² Сакулин П.Н. Русская литература, Часть II. М., 1929. С.28-41, 163-201.

нашли издателей и насущный хлеб в мелочной литературной промышленности. Они горды самобытною своею деятельностью на попреше образования и, чувствуя свое преимущество над кругом своих читателей, не променяют своего рублища ни на какой доходный промысел столичной жизни, не отдадут своего тяжкого, мучительного напряжения за самый легкий механический труд. Разберем их подробнее. Во-первых, что составляет предмет их творений? *Простонародный быт* доброго, умного русского народа; *уличные характеры*, в которых часто выражается вся умственная жизнь целого класса людей; *исторические предания*, сохранившиеся в памяти народной, с пополнениями из Русской истории⁷, часто искажаемой этими авторами, но все-таки интересной для народа по родному, близкому к сердцу содержанию. Кто их читатели? Третий слой московской публики и все внутреннее провинции России. Сочинения их доступны тому классу людей, для которых писаны; они снимки с его подлинной жизни, близки к его понятиям; они ему по плечу, и, кроме того, он находит в них сведения об отчизне, которых еще не имел. Польза труда их очевидна. Что сочинения их раскупаются и читаются, это доказывает, во-первых, их плодovitость, а во-вторых, издатели их творений; большая часть из них, отучнев, разбогатеv, переселилась уже /.../ [с рынка. — *А.Р.*] в средоточие Москвы, в богатые лавки, блестящие позолотой и переплетами. А поезжайте в отдаленные губернии: вы увидите, как мужичок*, навьюченный мешками этих книг, в степную глушь России заносит просвещение Московских Афин [т.е. толкучего рынка. — *А.Р.*] /.../. «Дай мне чего-нибудь историчного, да нет ли этакой критики какой-нибудь?» — говорит степной барин, и ходебщик подает ему «Таньку Ростокинскую, или Притон под Москвою»⁸, «Хлыновских степняков» и «Непоколебимую дружбу Чухломских жителей»⁹. «Одолжи-ка *романца*, да чтоб был не столько краток, как чувствителен», — говорит уездная барышня, и ей подают: «Фетинью Антонову в новом вкусе»¹⁰, «Французскую беглянку Мадам Фено, с Кузнецкого моста»¹¹ да «Угнетенную невинность, или Поросянка в мешке»¹². И за все это мешки ходебщика наполняются курьим пухом, щетиной и лошадиным волосом: это предметы не нужные сельскому хозяину, но русские промышленники из одного сваливают шляпы, из другого вяжут щетки, из третьего ткут мебельный обой.

---

* Мужики эти имеют техническое название *ходебщиков*, или *афеней*, и по большей части уроженцы Рыльска и села Ивановское графа Шереметьева, в Владимирской губернии. — *Примеч. Ф.А.Кони.*

/.../Что вызвало этих циников-поэтов к литературной деятельности? Что заставляет их трудиться так постоянно, так ревностно? Быстрый успех их сочинений в продаже. А это доказывает, что в низшем классе народа рождается потребность чтения. /.../

¹ Фрагменты очерка печатаются по: Северная пчела. 1836. №80.

² *Наблюдатель* — псевдоним публициста и статистика В.П.Андросова.

³ *Кузмичев Ф.С.* (1799-1860?) — низовой литератор, автор басен, бытовых повестей, религиозно-нравственных книг.

⁴ *Полежаев А.И.* (1804-1838) — известный русский поэт.

⁵ Речь идет о многократно выходившей в лубочных изданиях книге «Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче...»

⁶ Имеется в виду московская Медико-хирургическая академия, многие студенты которой работали на низовых издателей.

⁷ Имеются в виду труды историков — прежде всего «История государства Российского» Н.М.Карамзина.

⁸ Сергей ...кий (Любецкий С.М.). *Танька, разбойница Ростокинская, или Царские терема: Историческая повесть XVIII столетия: С песнями, обрядами и празнествами тогдашнего быта: Из преданий русской старины.* М., 1834.

⁹ Орлов А.А. *Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина: В 2 частях.* М., 1831; *Непоколебимая дружба Чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве: В 3-х частях.* М., 1830.

¹⁰ Рассказ И.Г.Гурьянова, фрагмент из которого помещен ниже.

¹¹ Орлов А.А. *Французская беглянка, или Мадам Фено из Москвы с Кузнецкого моста, в Париже.* М., 1831.

¹² Анонимно вышедшая в Москве в 1831 книга А.А.Орлова.

Р.С.Т.

[Рецензия на книгу С.Любецкого
«Танька, разбойница Ростокинская» (М., 1834)]¹

...Молодой человек недостаточного состояния, желая честным трудом приобрести себе необходимое, с чистою любовию к наукам занимается переводом какого-нибудь дельного сочине-

ния; в полной надежде на успех он идет с этим полезным трудом к книгопродавцу, который, взвесив рукопись на руках, как на безмене, с убийственным хладнокровием возвращает ее назад, говоря, что эта книга не сойдет с рук, она-де *ученая*, а нам надо *романов* /.../. В то же время какой-нибудь отчаянный романист является с отчаянным романом; книгопродавец встречает его благосклонно, берет рукопись, не жалеет тысячи, другой, третьей, покупает, и роман расходуется, не в Москве, разумеется, а в глуши, в дальних провинциях... Бедный мечтатель, так надеявшийся на свой перевод дельного сочинения, видит перед собой эту сцену, слышит соблазнительный звон червонцев, и — прощай святое чувство, святая любовь к науке! Он бежит домой, берется сам за роман, а чтоб скропать роман — кому ума не доставало?... /.../ Это не художники, это ремесленники, работающие на заказ /.../. Издатели, безграмотные /.../ судят о сочинении по заглавию и толщине /.../. Больше всего видеть (к несчастью, теперь это у нас не редко), как какой-нибудь, может быть и честный, но безграмотный приказный покупает в рукописи вздорный роман у ловкого сочинителя, который умеет сбыть товар лицом, посредством приятелей, помощников etc, etc. После плачется с ним, да уж поздно — а впредь все не научится. /.../ В провинции, в глуши, видят широковещательное объявление о вздорной книге, верят ему, книгу выписывают — обманываются — а все не исправляются² /.../.

¹ Фрагменты рецензии печатаются по: Молва. 1835. №5.

² О подобных объявлениях газета «Молва» несколько ранее писала следующее: «Высокопарные объявления о книгах, помещаемые в Московских ведомостях, часто смешат людей, знающих это дело. Безошибочно можно сказать, что чем книга хуже, тем пространнее об ней похвала в объявлении, тем крупнее буквы, коими напечатано ее название. Но вероятно, не всем еще известна эта пошлая страгогема: ибо за припечатание в газетах длинных объявлений платится весьма не дешево, а наши книгопродавцы расчетливы» (Замечания // Молва. 1832. №88).

Я.Я.Я. (Л.В.Брант)

[Рецензия на книгу В.Потапова
«А.В.Суворов. Русской розказень» (М., 1846)]¹

У нас есть особенный, таинственный разряд «сочинителей», преимущественно водворившийся в белокаменной Москве, кото-

рые за двадцать пять копеек серебром, а иногда и за даяние «натурою», соразмерное сей сумме, сочиняют разные разности, в том числе и эпопеи (роказни тож), во славу народных героев. Какой-нибудь продавец сальных свеч принимает на себя звание издателя, печатает книжонку на той самой бумаге, в которую завертывается паюсная икра, печатает, разумеется, без орфографии и корректуры, неизвестных ему и по имени, да и совершенно излишних для подобных творений; потом экземпляры этого великолепного издания поступают на руки брадатых *афеней* и развозятся по «градам и селам», где летом меняются на репу и огурцы, а зимою на старое, никуда уже не годное платье.

¹ Фрагмент рецензии печатается по тексту: Северная пчела. 1846. №30.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ¹

В последнем номере «Молвы», в письме из Нижнего², было упомянуто об *афенях* или *ходебщиках*, которых в провинциях называют просто *разносчиками*. В отдаленных и пространных губерниях России сии разносчики снабжают всеми потребностями жизни вещественной и даже духовной: они развозят книги! Они суть единственные производители книжной торговли и для некоторых книгопродавцев — единственное средство сбывать свои товары. Эта операция производится довольно забавно. Мужик, не знающий грамоты, является к своему доброприятелю книгопродавцу, который, также едва умея читать и писать, нагружает ему полвоза книгами, изредка и хорошими, но потерявшими ход, вышедшими из употребления, а большею частию самым безобразным хламом бумажного изделия, который в столицах никакого сбыта иметь не может. Нагрузка сия производится на следующем основании: книгопродавец отдает книгу, поставленную в каталоге в десяти рублях, за шесть, пять и четыре рубля, да при получении вырученных денег еще скидывает десять процентов, — и отдает весь свой товар без денег, до выручки. Вот тайна, отчего можно купить за полцены книгу в отдаленной деревне, а в столице за ту же самую надобно заплатить полную объявленную цену, редко с небольшою уступкою! Читатели наши

видят действие, но не знают причин. Мы поднимем завесу. Книги, таким образом отправляемые в степи и леса России, бывают почти всегда *собственностью* книгопродавца. Он нанимает переводить роман Валтер-Скотта, слепить «Историю Наполеона», сочинить «русской исторический роман» с платою от ста до трехсот рублей, печатает экономно тысячи три и более экземпляров, и — вот являются издания, продающиеся от десяти до двадцати рублей и стоящие издателю от одного рубля до трех за экземпляр. Продажа 300 или 400 экземпляров — обыкновенное число, удовлетворяющее первую потребность (NB если это роман или исторические записки), оплачивает издержки: все остальное барыш. В столицах книга продается по цене обыкновенной, чтоб не уронить ее в мнении публики, а господа *афени* получают ее так, как мы уже описали. Книги, имевшие успех, но напечатанные в большом количестве, сваливаются к тому же книгопродавцу за самую безделицу и сбываются таким же образом. Наконец, сюда же должно причислить сочинения, за истечением двадцатипятилетнего срока со дня смерти сочинителя составляющие собственность всей публики: «Астрономический телескоп»³, «Письмовник» Курганова⁴, сонники и прочие, а также и песенники или сборники стихов писателей новейших, под самыми вычурными именами, с которыми книгопродавец поступает по тем же правилам. Случается иногда, что деньги пропадают на *афенях*, несмотря на строгость взыскания, но барыш так велик, что сии потери ничего не значат.

¹ Анонимная публикация печатается по: Молва. 1832. №71.

² Имеется в виду корреспонденция: Письмо из Нижнего // Молва. 1832. №70.

³ Имеется в виду книга: Бранкевич М.С. Астрономический телескоп, или Всеобщий астрономический, физический, политический и экономический календарь на 336 лет: В 3-х частях. Изд.2-е. М., 1814; или: Петров С. Астрономический телескоп, или Общий астрономический, физический, экономический, политический календарь на 200 лет. М., 1808.

⁴ *Курганов Н.Г.* (1725?-1796) — просветитель, педагог, издатель, автор «Российской универсальной грамматики» (СПб., 1769), в следующих изданиях названной «Письмовником», который, кроме отдела грамматики, содержал «присовокупления учебных и полезно-забавных вещей» и получил широкое распространение, выдержав множество изданий как учебно-развлекательная книга.

ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА¹

/.../ В Москве умер скоропостижно (4-го февраля) весьма замечательный человек в русском книгоиздании, Василий Васильевич Логинов, лет пятидесяти от рождения. Он имел в Москве свою типографию, книжную лавку, библиотеку для чтения, литографию и гравировальню. Более пятисот человек русских мужичков разносили и развозили по всему русскому царству русские книги и картинки, принадлежащие Логинову. У него был в ведении особый класс писателей и граверов, работавших по его заказам. Например, «Иван Выжигин»² имел успех, и в Москве тотчас появилась книга «Семейство Ивана Выжигина»³. Повести Александра Марлинского⁴ приняты были хорошо публикою, и в Москве появились немедленно «Новые повести» А.М.⁵. И все это укладывалось на возы и в коробки, и кружило по всей России, по усадьбам, по уездным и заштатным городам. Парижские карикатуры, портреты великих людей, военные сцены и т.п. немедленно переделывались в гравировальном заведении г. Логинова, раскрашивались и пускались в ход в новом виде. Покойный Логинов был последним прибежищем для петербургских и московских книгопродавцев. Они обращались к нему, как мусульмане обращаются к имаму Мекки, только не за пастырским наставлением, а за ходячею монетою. Не пошла книга, марш в Москву, к В.В.Логинову, и он покупал книги, большею частью на вес, и рассылал по России с красноречивыми объявлениями, сочиняемыми его писателями. Не знаем, издал ли что покойный Логинов замечательное, как А.Ф.Смирдин⁶, покойный И.В.Сленин⁷ и нынешний деятель в нашей литературе М.Д.Ольхин⁸, но знаем, что огромная типография, литография и гравировальное заведение г. Логинова были всегда завалены работою. Он доставлял умственную пищу читателям пятнадцатого класса (как выразился некогда покойный А.Ф.Воейков⁹). Почти все простонародные сказки, сонники, песенники и т.п. выходили с фабрики г.Логинова, доставлявшего работу и занятие более тысячи человекам и сильно поддерживавшего бумажные фабрики. Миллионы рублей перекатились через руки покойного Логинова в течение его деятельной жизни. /.../ Логинов заслуживает благодарность за то, что рассылал книги по России, многих научил читать и во многих возбудил охоту к чтению, а случается, что начинающий Бовою Королевичем¹⁰, кончит «Историю» Карамзина. Только бы читали!

¹ Фрагмент некролога печатается по: Северная пчела. 1847. №36.

² Роман Ф.В.Булгарина, изданный впервые в Петербурге в 1829.

³ Булгарин имеет в виду цикл книг А.А.Орлова, вышедших в Москве в 1831-1832: «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина», «Смерть Ивана Выжигина», «Церемония погребения Ивана Выжигина», «Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина», «Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина», «Крестный отец Петра Выжигина, или Два кума Ивана Выжигина», «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу».

⁴ Бестужев А.А. (1797-1837) — известный литератор-декабрист, писавший под псевдонимом Марлинский.

⁵ Имеется в виду: А.М. Русские повести и рассказы. М., 1834. Текст посвящения в этой книге подписан: А.Павлов. Автором ее, как нам удалось установить, является низовой литератор Александр Павлович Протопопов, один из рассказов которого публикуется ниже.

⁶ *Смирдин А.Ф.* (1795-1857) — издатель и книгопродавец XIX в.

⁷ *Сленин И.В.* (1789-1836) — петерб. издатель и книгопродавец.

⁸ *Ольхин М.Д.* (1806-1853) — петерб. издатель и книгопродавец.

⁹ *Воейков А.Ф.* (1779-1839) — поэт, журналист, издатель.

¹⁰ Герой многократно выходившей в лубочных изданиях анонимной книги «Сказка о славном и сильном богатыре Бове Королевиче и о прекрасной супруге его Дружневне».

И.Гурьянов

**ФЕТИНЬЯ АНТОНОВНА,
В НОВОМ ВКУСЕ СТОЛИЧНАЯ КОЛДУНЬЯ,
ИЛИ ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ**

[Рассказ]

Глава VI. Букинист, или торговец книг вразноску¹

Купец вышел, а на место его взошел букинист или разносчик книг. Он только что переступил за порог, как отвесил низкий поклон и, подойдя к столу, положил на него полтинник.

— Матушка Фетинья Антоновна! Я пришел поворожиться.

— Что надобно? Говори: пропажа что ль какая?

— Нет, матушка! Я вот лет семь хожу по господам, продаю книги, да плохо торгую: в семь лет чуть-чуть собрался открыть маленькую лавочку.

— Так что ж, жениться что ли хочешь?

— Нет, матушка, а вот что: многие из нашей братии бродили, как и я, по передним, да как накопили деньжонок, так стали покупать оригинальцы², да сами печатать — и развелись³; хоть и не дойдут до больших книгопродавцев, а нас-то уже далеко обогнали. Ну те люди сильные, а большому кораблю большое и плавание. Не гонюсь за большими книгопродавцами, а за этими-то хоть бы можно было.

— За чем же дело стало?

— Боюсь, как бы не разориться совсем. У нас, правда, один такой же грешный, как и я, ходил, ходил по домам, да как купил рукопись, так и давай печатать; да тут еще штуку ввернул: об имени сочинителя умолчал, а сам одному знатному барину, своему милостивцу, и посвятил ее, так — как вы думаете? Тысячку и нажил, да и нам хлеб дал. Да у нас много таких; чуть лишь что новое, а нам и прибыль. Нынче не таков уж свет. Прежде бывало давай одних классиков, да полезное, а нынче так и даром этого не надобно: давай роман, сказку, что-нибудь нравственно-сатирическое, да уж до того и довели, что и на себя сатиры пишут и печатают и читают без зазрения совести, как кривой не сердится на зеркало за то, что оно его изображает кривым; а особливо по нашей торговле — так давай хоть бессмыслицу, да смешную — заглавие все скрасит⁴. Такова стала нынче торговля книгами. У больших книгопродавцев таки есть классические книги, а нам с ними беда! Они и разойдутся, и убытку не будет, да не скоро, а ныне у всех на уме, как бы поскорее, и все начали печатать, и мне хочется книжку напечатать. За тем-то я и пришел к вам; я хочу, чтобы вы мне поворожили, будет ли успех от книги моей.

— Изволь.

Фетинья Антоновна расклала карты, долго думала...

— И есть об чем подумать! — сказал я сам себе за перегорождою. — Эта грамота темна для тебя, почтенная колдунья! Тут вывозит и провозит, смотря по тому, что скажут старшие колдуны — журналисты; смотря по тому, кто продает и где стоит лавка, а даже и по тому, в каком месте объявление о ней припечатано в газетах. О, век! О, век просвещения!

— Так! Прибыль есть, да что-то много легло валетов, и вот одна дама.

— Не знаю, матушка, по-вашему как, по-моему, так прибыль быть должна. Сочинитель-то хоть и незавидный, гроша за душой нет, и попивает немного, только не в погребках, потому что в кармане пусто, и потому-то он у нас и не в славе; да заглавие богатое. Просит безделицу, а отдаст еще меньше⁵, а на

печатать немного понадобится. Есть у меня закладная бумага — тоже один сочинитель заложил за красненькую; она и серенька, а десять стоп, так довольно будет. Заложил-то он ее месяца два, да верно не выкупит, так барыш верный будет, а все поворожиться надобно.

— Верная прибыль вышла тебе на картах. Ступай с Богом; только не передай за рукопись, а еще бы лучше, кабы посвятил кому, да еще богатому.

— То-то нет, матушка, такого милостивца. Господа-то нынче стали скупы; так и смотрят, чтоб купить книжку на площади, да подешевле, или променять на что. А уж за рукопись-то не передадим. Автор-то не на паре ездил, а так же, как и мы, грешные, шлифует мостовую подошвами.

— Делай как знаешь и как лучше. От товару убытка не бывает никогда; ты же, кажется, парень смышленный.

— Славо Богу-с! Заглавий начитался: на весь век с меня станет.

Он поклонился и вышел очень доволен.

¹ *Гурьянов И.Г.* (1791-после 1854) — низовой московский литератор, выпускавший повести, рассказы, исторические компиляции, путеводители по Москве, песенники, детские книги и т.д. В рассказе «Фетинья Антоновна...» (М., 1831) повествователь наблюдает за московской гадалкой, к которой приходят за советом люди разных профессий и сословий.

² *Оригинал* — в терминологии издателей того времени авторская рукопись, предназначенная к публикации.

³ Т.е. разбогатели.

⁴ Сам Гурьянов был мастером на такие заглавия: «Илья Проихин. Открытая тайна некоторых, или Горе от ума и Горе без ума» (М., 1831), «О, Иорик, Иорик! Ты прав: не все то золото, что блестит, или Спор полушампанского с ерофеичем» (М., 1830), «Наполеон на берегах Стикса и свидание его с первую супругою Иозефиною, многими маршалами и сыном его герцогом Рейхштатским, с присовокуплением некоторых подробностей о кончине сего последнего» (М., 1832).

⁵ Гурьянов знал это по собственному опыту. См.: Рейтблат А.И. «Фризурный» литератор Иван Гурьянов и его книги // Лица: Биографический альманах: Вып.2. М.; СПб., 1993. С.35-36.

СЦЕНА ИЗ ЖИЗНИ ДОМОРОЩЕННОГО ГЕНИЯ¹

Герой рассказа, окончив гимназию и поступив на службу, начал писать стихи. «В одну неделю была написана им целая тетрадь стихотворений: к ней, к луне, к небу, к звездочкам, ко всем вздорам в мире». Ощувив, что он может «уже состязаться с Пушкиным», новоиспеченный поэт стал строить планы:

Завтра же я отправляюсь с моею рукописью в цензуру, а через неделю книгопродавцы осыплют меня золотом, если я позволю им печатать мои стихотворения... Я велю книгопродавцам издать мои стихи со всеми типографскими причудами и роскошью; велю напечатать мою фамилию вполне, крупными литерами, и, когда мои сочинения выдут в свет, то мои знакомые ахнут от удивления: каков же, скажут они, Никита-то Никитич! Сочинительствует! В стихотворцы пустился! Мы давно знали, что он умная голова!.. Тогда у меня денежек-то будет вдоволь, хоть пруд пруди! Тысячи две, если не больше... Меньше двух тысяч не возьму с книжников за мои сочинения, — и дадут: ведь платят же Пушкину по золотому за строчку! Почему же мне не взять двух тысяч за целую тетрадь стихотворений? Хоть я и неизвестен еще как Пушкин, но уж в сочинениях-то, право, не уступлю ему! Напишем и почище, стоит только присесть. /.../

На другой день наш поэт отнес свою рукопись в цензурный комитет. Через неделю ему была выдана рукопись из цензуры обратно с позволением печатать. Боже мой! Как любовался Никита Никитич подписью почтенного цензора! Сколько раз принимался он рассматривать печать, которая обыкновенно прикладывается цензурою на одобренных к печати сочинениях! /.../

— К Ширяеву²! — воскликнул он, полный радости, надежд, мечтая о славе и золоте.

И вот он в лавке почтенного книгопродавца Ширяева.

— Хозяин дома? — гордо спросил наш поэт у весьма умного и знающего коммерцию приказчика Никифора Николаева^{*3}.

— Что вам угодно? — спросил Воронин.

— Я, братец, хочу продать ему оригинал — мои стихотворения.

^{*} Воронин тогда еще не торговал отдельно, а был главным приказчиком г.Ширяева. Теперь он имеет свою лавку на Никольской улице, где можно получить все новости скорее, нежели у других книгопродавцев. — *Примечание А.П.Протопопова.*

— Александр Сергеевич перестал печатать и потому не покупает оригиналов.

— Но, мой милый! Это не такое сочинение, которого бы не купил твой хозяин... Это мои стихи... понимаешь?

— Все это прекрасно, сударь! И я уверен, что плоды ваших трудов будут... Но извините! Мы ничего не печатаем!.. Впрочем, вы можете предложить ваши стихотворения Логинову, и тот наверное напечатает ваше сочинение.

— Но я хочу, чтобы труды мои были напечатаны вашим хозяином... Его нет дома? Я подожду.

— Это напрасно! И он вам скажет то же, что я...

— Так вы советуете мне ехать к Логинову? Но что же он заплатит за мои труды?

— Я вам не умею сказать этого! Но — вы сойдетесь с ним верно!.. Он весьма богатый человек!..

— Поеду к Логинову... прощайте!

И Никита Никитич отправился с своим оригиналом к известному книгопродавцу — производителю московских романов Логинову.

— Вы покупаете оригиналы для напечатания, почтеннейший? — спросил наш поэт московского доморощенного книгопродавца.

— Случается-с, милостивейший мой государь!

— Не угодно ли вам напечатать мои стихотворения, которые уже одобрены цензурою?

— Очень хорошо-с! Позвольте взглянуть-с! Купим-с! Отчего же не купить-с! У нас афеням-с всякая дрянь сойдет-с! То есть я не говорю о ваших сочинениях-с, а так-с... ведь, согласитесь, милостивейший государь, что не все так хорошо пишут, как вы-с! Есть и дрянца-с-сочинители!.. А как заглавие вашим стишкам-с?

— Мои стихотворения называются «Звезда любви и пылких мечтаний».

— Да-с, заглавие хоть куда-с! Громковато-с! Можно напечатать-с! Не поверите-с, нынче только и взять заглавиями! Куда господа сочинители мизерно пишут! Иной притащит роман в трех претолстых частях, а читатели обижаются, что, дескать, читать нечего! Не угодишь-с! А сколько вы изволите назначить суммы-с за ваши стихотворения-с?

— Да я право не знаю! Две тысячи я взял бы, пожалуй!

— Как-с! Сколько-с! Две тысячи-с! — воскликнул, разинув рот от удивления, книгопродавец. — Извините-с! Мы не печатаем таких дорогих сочинений-с! Да нынче же и стихов-то уж не читают! Мы платим не поверите как дешево! За иной роман в четы-

рех частях дадим рублей триста да десять печатных экземпляров сочинителю — да и баста!

— Я сам напечатаю и изорву, но не возьму меньше тысячи рублей за мои сочинения! — воскликнул Никита Никитич, ударив кулаком по столу.

Книгопродавец вздрогнул.

— Так уж в самом деле вы напечатайте лучше сами-с! А нам как понадобятся ваши стишки-с, коли будут их спрашивать-с, мы купим-с у вас экземпляричков сотенку-с!

— Прощайте! — сказал с презрением наш поэт.

— Прощайте! — произнес умильно книгопродавец.

В дальнейшем, чтобы опубликовать книгу, отец героя закладывает дом за тысячу рублей и тратит деньги на издание. Поэт планирует продавать каждую книгу по десять рублей и нажить, таким образом, девять тысяч рублей.

Через месяц отпечатались стихотворения Никиты Бесмыслина; спустя два месяца в них завертывали сукно, ситцы, табак, мыло и прочую рухлядь. Наш поэт /.../ продал /.../ какому-то торговцу на обертку всякой всячины свои дивные, чудные, которыми он столько гордился, — стихотворения.

¹ *Протопопов А.П.* (1814-1867) — плодовитый низовой прозаик, драматический актер. Публикуемый рассказ входит в его сборник рассказов и повестей «Ночные шалости молодого человека, написанные в духе новейшей словесности» (В 2 книгах. М., 1841), подписанный псевдонимом «-ин», то есть сокращением от сценического имени Протопопова — Славин. Авторство Протопопова установлено нами по архивным материалам (См.: ЦГИА г.Москвы. Ф.31. Оп.1. Д.14).

² *Ширяев А.С.* (ум. 1841) — крупный московский книгопродавец и издатель.

³ То есть Никифора Николаевича Воронина.

Содержание

ПОРТРЕТЫ

<i>Н.И.Осьмакова.</i> Альманашик из Третьего Отделения	5
<i>Г.В.Зыкова.</i> О позе «педанта» в русской литературе первой трети XIX в.: В.Г.Анастасевич	25
<i>М.Кармазинская.</i> Литературный поденщик, или превращения Межевича	35
<i>О.Е.Майорова.</i> Московский петиметр. (Из истории русского утопизма)	54
<i>В.А.Викторович.</i> Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского»	72
<i>Вера Бокова.</i> Баронесса Иксуль	95

РОДОСЛОВНЫЕ

<i>Д.А.Сонкин.</i> Практическая генеалогия. Опыт применения в литературоведении	127
<i>Е.Меламед.</i> Корни: из родословной В.Г. Короленко	152

ПУБЛИКАЦИИ

Отец и сын. По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л.Толстого. Подготовка текстов, публикация и комментарии В.Н.Абросимовой и С.Р.Зориной. Вступительная статья В.Н.Абросимовой	173
Московские легенды о писателях. Записи Е.З.Баранова. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.Боковой	288

VARIA

<i>А.Ф.Крашенинников.</i> Счет за деликатную работу, исполненную петербургским механиком. (К предыстории повести Н.В.Гоголя «Нос»)	341
<i>Н.И.Осьмакова.</i> Гоголь и Русский Пустынник	348
<i>В.И.Мильдон.</i> Из ниоткуда в никуда. (К метабиографии В.С.Печерина)	355

А.И.Рейнблат. Витязи толкучего рынка. К истории низовой словесности	373
В.Щербаков. Писарев и Даргомыжский	387
Вокруг Д.И.Писарева. Публикация Е.Буртиной	399
Вера Бокова. Платье Элен. Об одном комментарии к роману Л.Н.Толстого «Война и мир»	416
Г.Краснов. В последний путь... («Уход» Некрасова, Достоевского, Тургенева)	418
Неизвестное свидетельство о похоронах Чехова. Публикация Веры Боковой	437
Памяти Д.П.Муравьева	443
Указатель имен	460

Учредители издательства «Феникс»:

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов.

ЛИЦА
Биографический альманах

4

Редактор-составитель Н.И.Осьмакова

Редакторы А.И.Добкин, Т.Б.Притыкина
Корректор Е.В.Русакова
Наборщик И.М.Курдина

Биографический институт: Санкт-Петербург, 191011, Невский, 31.
Издательство «Феникс»: Москва, 103009, Тверская, 6, стр.7.

ЛР №090022 от 10.X.1991.

Подписано в печать 10.02.94. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0. Тираж 3816 экз.
Заказ № 3034.

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12